

УДК 811.512'255.2

А. В. Байыр-оол, Е. В. Тюнтешева

Институт филологии СО РАН

Лексические средства, использованные в алтайском и тувинском переводах романа М. А. Шолохова «Поднятая целина»

В статье рассматриваются языковые средства, использованные при переводе на алтайский и тувинский языки слов и некоторых сочетаний, отражающих реалии и понятия, характерные для русской и советской действительности в романе «Поднятая целина»: заимствования, русские слова, не вошедшие в лексический фонд алтайского или тувинского языка, кальки, различные типы пояснения к русским словам или калькам; подобранные переводчиками аналоги; слова, образованные средствами самого языка и некоторые др. При наличии общих черт алтайский и тувинский переводы обнаруживают свои особенности. Для тувинского текста в целом характерно стремление к дословному переводу, для алтайского – смысловой перевод. Переводчик в основном старался не допускать выражений, искусственно звучащих для алтайского языка, употребления слов в нехарактерных для алтайского языка значениях. В то же время в алтайском переводе обнаруживается больше русских слов, чем в тувинском, что объясняется гораздо более ранним вхождением алтайцев в состав России. Однако, несмотря на сложившуюся общественно-политическую терминологию монгольского происхождения в тувинском языке, переводчик во многих случаях отдавал предпочтение русским словам, привносящим иные представления и новые понятия. Особенностью тувинского перевода является также наличие ряда новых слов, которые были образованы собственными словообразовательными средствами и не сохранились в современном языке.

Ключевые слова: переводная литература, приемы перевода, алтайский язык, тувинский язык, заимствования, кальки.

Роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» был переведен на многие языки мира. Произведения М. Шолохова отличаются образностью, обилием диалектизмов, экспрессивной лексики, устойчивых оборотов, поговорок, а также шаблонных выражений, характерных для периода коллективизации. Описания природы, внешности персонажей часто включают развернутые сравнения и сложные образы. Все это создает трудности для переводчика, особенно при переводе на младописьменные языки

Байыр-оол Азияна Витальевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора языков народов Сибири ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: azikoa@mail.ru, тел: (383)3308469.

Тюнтешева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: tyunteshvae@mail.ru, тел: (383)3308469.

иной типологической системы, носители которых к тому же имеют другие культурные традиции, уклад жизни, отличный от русского.

Тувинский перевод первой книги романа был издан в 1950 г., через 6 лет после вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР. Переводил роман тувинский прозаик, драматург и переводчик О. К. Саган-оол. Перевод на алтайский язык, сделанный поэтом и переводчиком И. И. Эдоковым, вышел в 1960 г. Если в переводах 20-30-х гг. первостепенной задачей являлся адекватный перевод идейного содержания, основного сюжета произведения, а язык перевода был более упрощенным [Калзан, Куулар, 1956; Озонова, Байыр-оол, 2016], то с 50-х гг. и особенно в 60-е-80-е гг. большое внимание уделялось также богатству языка перевода, более точному, более близкому к оригиналу. Переводная литература этих годов органично вошла в алтайскую художественную литературу, она «повлияла на развитие разных жанров в алтайской литературе... на стилистику и поэтику писателей» [Озонова, Байыр-оол, 2016].

В данной статье мы рассматриваем языковые средства, использованные при переводе на алтайский и тувинский языки слов и некоторых сочетаний, отражающих реалии и понятия, характерные для русской и советской действительности в романе «Поднятая целина». Исследование проводилось на материале первых шести глав.

В 6 главах обнаруживается около 154 русских слов в алтайском переводе и около 124 – в тувинском. В алтайском тексте среди них выделяются старые, дореволюционные заимствования – *картошко* ‘картошка’, *сенек* ‘сени’, *штан* ‘штаны’, *сопок* ‘сапоги’, *печке* ‘печка’, которые подверглись уже фонетическим изменениям. Для послереволюционных заимствований, встречающихся в романе, как в алтайском, так и в тувинском текстах характерно, за малым исключением (папироса → алт., тув. *папирос*), употребление русских слов без каких либо фонетических изменений. К ним относится в основном общественно-политическая лексика, отражающая происходившие изменения: алт., тув. *революция*, *политика*, *манифест*, *кулак*, *колхоз*, *артель*, *агитколлонна*, *коммунизм*, *большевик*, *актив*; алт. *класс*, *пролетариат*, *организация*, *гражданский*, *дисциплина* и др.; лексика, относящаяся к промышленной и технической сфере: алт., тув. *завод*, *фабрика*, *трактор*, *машина*, *автомобиль*, и др., к военной сфере: *генерал*, *командир*, *есаул*, *вахмистр*, *эскадрон*, *фронт*, *пулемет*, *трибунал* и многие другие слова, называющие новые для алтайцев и тувинцев реалии: *черепица*, *документ*, *портфель*, *пиджак* и некоторые др. Эти лексемы вошли в алтайский и тувинский языки, многие из них обросли словообразовательными связями: например, тув. *хлебте* = ‘идти за хлебом’; *агистаста* = ‘агитировать’, *культурлуг* ‘культурный’, *массалыг* ‘массовый’, алт. *штрафта* = штрафовать.

Небольшое количество русских слов, оставленных в переводном тексте, отражает специфику казачьего быта и некоторых особенностей речи персонажей: алт., тув. *станица*, алт. *портфельщиктер*, алт. *факт*, тув. *хутор*, *горница*. Отдельные слова даны с пояснением на родном языке: алт. *хутор* (*јурт јер*). В тувинском тексте даются пояснения русских слов в сноске: *чернобыл*, *брица* – *хову сизгеннери* ‘чернобыл, брица – степные растения’; *есаул* – *царь армиязының казак шериглеринге офицер дужаал* ‘есаул – офицерская должность в казачьих войсках царской армии’; *горница* – *мында тарачын бажыңның арыг-силег кезээ* ‘горница – здесь: чистая половина крестьянского дома’.

Следует отметить тот факт, что при наличии своих слов с аналогичным или подобным значением и алтайский и тувинский переводчики зачастую отдавали предпочтение русским заимствованиям. В тувинском языке существовала общественно-политическая и культурная лексика монгольского происхождения. Данная лексика в самом же монгольском языке получила развитие в послереволюционное время, она создавалась путем переосмысления ранее существовавших слов или увеличения их смыслового объема за счет новых значений. Многие из этих слов в новых значениях в период 20-х гг. XX в. были заимствованы тувинцами [Татаринцев, 1976, с. 40]. Однако в переводе романа для обозначения некоторых понятий все же используются, видимо, для усиления смысла или новизны русские заимствования, например: ‘партия’ вместо ранее употреблявшегося монгольского *нам*, ‘революция’ вместо *хувискаал*. Для таких понятий, как ‘класс’, ‘ячейка’, ‘член’ и др. переводчик оставляет *аңгы* ‘класс’, *үүр* ‘ячейка’, *кежигүн* ‘член’. Для сочетания *Красная Армия* как для названия использована полукалька *Кызыл Армия*, но вне данного названия для слова ‘армия’ остается тувинское *шериг*.

Похожее явление наблюдается и в алтайском переводе: используется русское слово при наличии своего аналога:

батрактар ‘батраки’: в Русско-алтайском словаре 1964 г. ‘батрак’ – *јалчы*, *батрак*;

артель: в Русско-алтайском словаре 1964 г. – *артель*, *өмөлүк*;

суд: в Русско-алтайском словаре 1964 г. – *јаргы*; как компонент сложного слова *албатынын јаргызы* ‘нарсуд’ в тексте перевода выступает именно алтайское слово *јаргы*;

аренда в сочетании *аренде ал* = ‘брать в аренду’; в Русско-алтайском словаре 1964 г. – *јалга ал* =;

начальниктерим ‘мои начальники’: в Русско-алтайском словаре 1964 г. ‘начальник’ – *башкараачы, начальник*; в Русско-алтайском словаре 2015 г. подобраны другие аналоги: *жамылу (кижи), жааны*. Заметим, что русского заимствования *начальник* в последнем словаре уже нет. Слово *закон*, встречающееся в тексте, также зафиксировано в Русско-алтайском словаре 1964 г. В настоящее время в значении ‘закон’ используется лексема *жасак*. В Русско-алтайском словаре 2015 г. в данном значении приводится именно это слово.

Возможно, переводчик выбрал русские слова в силу более широкого употребления некоторых из них в то время (*суд, артель, аренда*) и частого использования в агитации, а также неполного совпадения объема лексического значения (*батрак*, алт. *жалчы* ‘слуга; батрак’).

С 1991 года после получения статуса республики и расширения социальных функций алтайского языка как второго государственного на территории республики [Чемчиева, 2012, с. 19] отмечается тенденция подбора собственных аналогов некоторым русским словам, что и отражает словарь 2015 года.

Иногда переводчик оставлял русское слово при наличии своего аналога в силу разницы смыслового содержания слова:

...нечем будет всю эту музыку прикрывать

→ алт. ...бу *бастыра музыкамды бектеп салар арга да жок болор* (с. 24) ‘эту всю мою музыку прикрывать возможности даже не будет’;

→ тув. ...бо *бугу музыканы чажырганым хей-ле болгай!* (с. 32) букв. ‘... зря ведь скрывание мое всей этой музыки.’

Здесь в дословном переводе *музыкамды бектеп салар* ‘музыку мою прикрывать’ и *музыканы чажырганым* ‘скрывание мое музыки’ употреблено русское слово *музыка*, т.к. алтайская лексема *күүү* ‘музыка, мелодия’ и тувинская *аялга* ‘музыка, мелодия’ не имеют соответствующего значения и не могут быть использованы в данном сочетании.

Давыдов не был мастером говорить речи... → тув. *Давыдов чүве чугаалаарының мастери эвес болза-даа...* (с. 27) ‘Хоть и не был Давыдов мастером говорить что-либо...’

В тувинском языке существует несколько слов для определения человека, обладающего мастерством в каком-либо ремесле, изобразительном искусстве: *усчу* ‘мастер, умелец’, *ус-дарган* ‘мастер, ремесленник’, *шевер* ‘искусный, умелый’ [ТРС]. Для данного контекста все эти слова неприменимы, поэтому переводчик оставил русское *мастер*. Примечательно, что русское заимствование *мастер* в тувинском языке, зафиксированное в Русско-тувинском словаре 1980 г., также не имеет значения, свойственного русской лексеме, ‘человек, который умеет хорошо делать что-нибудь’ (*мастер на выдумки, мастер рассказывать*) [ТСРЯ].

В отдельных случаях значение русского слова, проявляющееся в определенном сочетании, не учтено, что приводит к искажению смысла: культурный хозяин → алт. *культурный кижги* (культурный человек), ср. в тув. *культурлуг ээ* (культурный хозяин).

О фактах предпочтения автором русизмов алтайским лексемам пишет в своем диссертационном исследовании Л. М. Гальчук. В частности, она отмечает случаи, когда эмоциональная окраска «акцентируется за счет иноязычности самого слова» [1997, с. 35].

Другой тип употребления русских слов в тексте перевода – конструкция «русское слово + свое поясняющее слово», представляющая собой изафет II типа: алт. *папаха бөрүг=и* (папаха шапка=POSS3Sg), тув. *сюртук-тон=у* (сюртук-шуба=POSS3Sg) или примыкание, с помощью которого образовано парное слово: алт. *сюртук тон* (сюртук пальто), тув. *кулак-бай* (кулак-богач). Эти примеры представляют собой «языковой перевод» – употребление синонимов (в данном случае неабсолютных) в форме парного слова или в форме изафета «для уточнения не вполне ясной семантики одного из них» [Там же, с. 58].

Сложносокращенные слова оригинала, как правило, представлены в тексте перевода в развернутом несокращенном или частично сокращенном виде: алт. *рик* → *райисполком*, а также в виде калек: *земотдел* → алт. *жер керегин башкарган бөлүк* (отдел, руководящий земельным делом), тув. *чер эргелел килдизи* (отдел управления землей), *заорг* → алт. *организационный керек башкарган кижги* (человек, руководящий организационными делами), тув. *оргэргелел* (органуправление), *управдел* → алт. *райкомнын керектерин башкарып турган кижги* (человек, руководящий делами райкома), *нарсуд* → алт. *албатынын жаргызы* (народный суд), тув. *улус суду* (суд народа).

В тексте встречаются также фразеологические кальки и дословный перевод некоторых сочетаний:

ваше благородие → алт. *жаан жакшы укту слер* (с великим хорошим родом вы);

ради Христа → алт. *кудайдын учун* (ради Бога);

... У него иной раз промеж глаз сверкнет слеза, но он не дает ей законного ходу... ...*Кезик аразында онын көзинде жаш мөлтүрөй беретен, же ол көзинин жажына законду жол бербей жат* (с. 29). 'Иногда у него в глазах блестит слеза, но он той слезе не дает законного пути';

Дров с такими воззрениями ты можешь наломать сколько хочешь. → алт. *Ондый сагышла сен одынды канча ла көп оддын саларын* (с. 8) 'С такими мыслями ты дров сколько много наломаешь';

Должно, и завтра будут сватать. → алт. *Эртен база кудалаар болбой кайсын* (с. 17) 'Завтра, наверное, тоже будут сватать'. Переносное значение 'усиленно рекомендовать' [ТСРЯ] у лексемы *кудала*= 'сватать' возникло под влиянием русского языка и прижилось в современном алтайском языке.

Куда мы пританцуем с колхозами? → алт. *Колхозло кожо бис кайдаар бијелеп келерис?* (с. 18) 'С колхозом вместе мы куда пританцуем?' Употребление слова *бијеле*= 'танцевать' в данном переносном значении не характерно для алтайского языка.

Он, может, всю жизнь на печке лежал да об сладком куске думал... → тув. 'Ол кижги бүгү назынында суугу кырынга чыгдып, амданныг чүве дугайында бодап чорааны магат-ла болгай... (с. 22) 'Возможно ведь, что он всю жизнь лежал на печи, о вкусном думал...';

... в голубоватых глазах сузились крохотные, с булавочную головку, зрачки... → тув. ...*ак-көксүмээр карактарының ине баитыг октары тарладып чоруй*... (с. 22) 'сужая зрачки голубоватых глаз с иглочную головку...';

Хромает он на правую ножку... → тув. *Ол-даа оң будунда аскап чоруур кижидир*... (с. 12) 'Он-то ведь человек, хромающий на правую ногу...';

Боюсь, за эти семь кругов посева протянут меня в игольное ушко, обкулачат. → тув. *Ол чээрби сес десяти тарылга дээш, ине удунден өттүрүп, кулак дей бээр ирги бе дээш коргар-дыр мен* (с. 21) Боюсь я, что за те двадцать восемь десятин посева, протянув через игольное ушко, назовут ли меня кулаком.

Иногда в алтайском и тувинском тексте в такие кальки включаются послелог с семантикой сравнения алт. *чилеп*, тув. *ышкаш* 'подобно', 'как, словно, вроде' или алт. аффикс =*дый*:

Прижмут вас коммунисты, в бараний рог скрутят. → алт. *Коммунистер слерди кыстап, кучанын мүүзи чилеп, толгон салар*... (с. 17) 'Коммунисты, прижав вас, как бараний рог скрутят';

А тем самым и льется вода на мельницу... → алт. *Онон улам теерменге суу аккандый болуп жат* (с. 22) 'Из-за этого на мельницу вода как будто льется'.

Чернобородый казак ржал косячным жеребцом... → тув. *Кара-салдыг казак... аскыр ышкаш айыңайндыр катырган*. (с. 6) 'Чернобородый казак... как жеребец, пронзительно ржа, рассмеялся.'

Иногда при дословном переводе на алтайский язык переводчику приходилось дополнять предложение оригинала, пояснять его, т.е. обращаться к приему лексических добавлений. Без такого пояснения предложение было бы непонятно для носителей алтайского языка:

... им и ветер в спину... → *олорго салкын да кийнинен болужып жат*... (с. 21) '... им и ветер сзади помогает'. Здесь переводчик добавил глагол *болуш*= 'помогать' для разъяснения смысла высказывания.

В отдельных случаях дословный перевод с пояснением обнаруживают неправильное истолкование переводчиком русского устойчивого выражения:

С длинной рукой под церкву? → *Узун кылынды церквениг алдына сугуп, уурданар ба?* (с. 24) 'Сунув под церковь твою длинную руку, воровать?'

Ср. тувинский перевод: *Куруг холду узайтып алгаи, дуганче кылаштап кирер бе?* (с. 31) 'Протянув пустую руку, зайти в храм?' В тувинском тексте смысловой перевод, близкий к оригинальному тексту: 'пойти к попрошайничать к церкви (под церкву – под стены церкви)'.

Наиболее труден для переводчика подбор аналогов для специфической лексики, отражающей реалии, обычаи, нехарактерные для алтайцев и тувинцев, для обращений, а также для многочисленных метафор и сравнений оригинала:

хлеб-соль → тув. *аяк-шай* 'чашка чая' – традиционное тувинское сочетание, выражающее гостеприимство; Рождество → тув. *Шагаа* (название тувинского зимнего праздника нового года); масляная → алт. *жылгайак* (название национального алтайского весеннего праздника); курень → алт. *тура* 'дом', тув. *бажың* 'дом'; толстовка → алт. *чамча* 'рубашка', зипун → алт. *тон*; тув. толстовка → *хөрөктээш* 'курточка; полушубок'; горница → алт. *төр кып* 'почетная комната в глубине дома'; щи → алт. *көчө* 'национальный суп с перловой крупой', тув. *мүн* 'бульон'; лапша → тув. *далган үскен мүн* 'бульон с тувинской национальной лапшой'.

Иногда переводчик вынужден прибегнуть к смысловому переводу, в частности при описании новых понятий, навеянных изменениями в обществе:

Спасибо за хлеб-соль. → алт. *Күндүлеген учун быян болзын* (с. 5). 'За угощение спасибо'.

В русском языке после революции появились не только новые понятия (*сплошная коллективизация*), но и новые значения и определенный контекст употребления у ряда слов: *масса* (*вести массу*), *линия* (*проводить линию*, *линия партии* и др.), *гад*, *элемент*, *сознательность*, *наша правда* и др. Все они встречаются в тексте романа и переведены на алтайский и тувинский языки по-разному. Исключение составляет слово *элемент*, которое оба переводчика оставили без изменения. В тувинском тексте каждому из перечисленных слов подобраны эквиваленты согласно первичному значению русского слова: *линия* → *шугум* ‘линия’, *гад* → *чылан* ‘змея’ (в тексте в сочетании с *хоралыг* ‘ядовитый’ и *кулугур* ‘плут’), *наша правда* → *бистиң шың* ‘наша правда’:

... расстреляли бы как гада! → ... *хоралыг чылан-биле дөмей орта-ла боолап каар ийик мен.* (с. 40) ‘... прямо там же расстрелял бы как ядовитую змею’.

У лексемы *шугум* ‘линия’ под влиянием русского языка развилось значение ‘направление, образ действий, взглядов’ [ТСРЯ]. Что касается сочетания *бистиң шың* ‘наша правда’, оно не является характерным для тувинского языка.

В алтайском и тувинском переводах в разных контекстах названным русским словам в основном соответствуют разные лексемы.

Слово *линия* переведено в алтайском тремя разными лексемами: *санаа* ‘мысль; мнение; решение’, *шүүлте* ‘соображение, мнение, мысли, заключение’ и парное *санаа-шүүлте*, если речь идет о линии, которой придерживается какой-л. человек; в тувинском переводе слову *линия* соответствует две лексемы: *шугум* ‘линия’, ‘черта’ и *бодал* ‘дума; мысль; идея; мнение’.

Алтайский перевод:

Твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт! → ... *Сениң санааң жастыра, политика жанынан жастыра, факт!* (с. 9) ‘Твои мысли ошибочны, с политической стороны ошибочны, факт!’

Потрудись проводить нашу линию, а не изобретенную тобой. → ... *Бойынның тапкан санаанды эмес, бистин санаа-шүүлтебисти өткүр* (с. 9) ‘... Не тобой самим найденное решение, наше [общее] мнение проводи’;

Объясни свою линию. → *Шүүлтенди жартап айдып бер* (с. 27) ‘Объясни свои мысли’.

Если линия принадлежит партии, то используется слово *жол* ‘путь’:

Я буду проводить линию партии... → *Мен партияның жолун өткүрерим...* (с. 9) ‘Я буду проводить линию (путь) партии’.

Тувинский перевод:

Потрудись ... проводить нашу линию, а не изобретенную тобой. → ... *Бистиң шугумувусту чорударын оралдаш, а бодуңуң чогаадып алган бодалың эвес* (с. 11) ‘... Постарайся проводить нашу линию, а не изобретенную тобою мысль’.

Слову *гад* в алтайском переводе соответствует четыре лексемы: *көрмөс* ‘черт’, *шлемир* ‘бес, нечистый дух’ (экспрессивные ругательные слова), *ийт* ‘собака’, *жылан* ‘змея’:

... Расстреляли бы как гада! ... → *Көрмөсти тургуза ла адып салар эдис!* (с. 31) ‘... Черта тут же расстреляли бы’.

Гоню тебя, как пленного гада! *Сени олжого кирген шлемирди чилеп, айдап апарып жадым* (с. 45–46). → ‘Тебя, как попавшего в плен беса, гоню’.

А в гражданскую, ох, и рубил гадов, беспощадно! → *Гражданский жуу тужунда десе кылышла ийттердин баитарын кайрал жок чаап кескем* (с. 30) ‘А во время гражданской войны саблей головы собак беспощадно рубил я’.

Препровожаю в ваше распоряжение кулака Бородина Тита Константиновича как контрреволюционный гадский элемент. → *Кулак Бородин Тит Константиновичти революцияга турган жылан, контрреволюционный элемент болуп турган учун аткарып жадым* (с. 53) ‘Кулака Бородин Тита Константиновича, как вставшую против революции змею, контрреволюционный элемент отправляю’.

Лексема *масса* переведена на алтайский как *жон-албаты* ‘народ’:

Почему не ведешь массу? → *Жон-албатыны ненин учун ичкеери апарбай жадын?* (с. 9) ‘Народ почему за собой не ведешь?’.

В силу специфики слова *масса* тувинский переводчик оставил в тексте русское слово. В то же время сочетание *наша правда* О. К. Саган-оол перевел дословно, а И. И. Эдоков как *бистин чын керегис* ‘наше правое дело’ (с. 26). Сочетание *наша правда* возможно в русском языке в силу своеобразия семантики слова *правда*, отмеченного многими исследователями [Арутюнова, 1998; Черников, 1999; Зализняк, 2005 и др.]. По словам Н. Д. Арутюновой, «будучи категорией жизни, правда распределена между множеством ее сфер», и в отличие от *истины*, которая «имеет одного Владельца», *правда* принадлежит многим: *У каждого Павла своя правда* [Арутюнова, 1998, с. 552]. Для алтайского и тувинского языков такое употребление слова *чын* ~ *шың* ‘правда’ нехарактерно.

Трудность адекватной передачи таких понятий видна на примере неудачного перевода:

Сознательность у вас хорошая, факт! → алт. *Слер керекти билип јаткан улус, факт!* (с. 26) ‘Вы люди, хорошо знающие дело (т.е. суть дела)’.

Некоторые понятия переведены описательно:

кучер → алт. *боожо туткан кижги* (человек, держащий вожжи). И. И. Эдоков предпочел описательный перевод, хотя в алтайском языке имеется заимствование с русского *кучер* (РАС, 1960);

тув. середняк → *ортумак таарачын* ‘средний крестьянин, земледелец’; образа → *бурган чуруу* ‘картина бога’;

татуировка → тув. *боралгак көк будук-биле кылган чурумал* (с. 8) ‘изображение, сделанное серовато-синей краской’.

Особенностью тувинского переводного текста является употребление новых слов, образованных средствами самого языка.

Слово *үлетпүрчин* (*үлетпүр* ‘промышленность, индустрия’ + аффикс =*чин* (ср. монг. *үйлдвэрчин* ‘трудящийся’ < *үйлдвэр* ‘производство’, ‘деятельность’), употреблено в значении ‘рабочий, промышленный рабочий, пролетарий’, а общеупотребительный *ажылчын* используется в значении ‘наемный работник’. В современном языке *үлетпүрчин* уже не употребляется;

Чээшкин ‘кредит’ (*чег*= брать (взять) в долг (в кредит) + афф. =*ышыкын*) ср. общеупотребительное слово *чээли* ‘ссуда’, ‘долг’, ‘кредит’; *эителге* (*эште*= ‘делать парным’ + афф. =*лга*) ‘товарищество, объединение’; *чугаалажыкчы* ‘собеседник’ (*чугаалаш*= ‘разговаривать, беседовать’ + афф. =*ыкчы*) и др.

Употребление таких единиц связано с массовым приходом новых понятий, представлений. Они создают эффект нового слова, новизны понятия, не имеющей ауры традиционной лексики. В современном языке эти слова не являются актуальными.

Обращения в алтайском и тувинском текстах переведены в соответствии с традициями носителей того или иного языка. Так, несколько фамильярные обращения *тетка* и *папаша* оригинального текста переведены уважительными обращениями в алтайском и тувинском:

тетка → алт. *эјебис* (наша старшая сестра, наша тетя), тув. *угбай* ‘старшая сестра, тетя’. Обе лексемы используются как уважительное обращение к женщине, старшей по возрасту;

папаша → алт. *ада ёрёкён* от *ада* ‘отец’ и *ёрёкён* – очень уважительное обращение к мужчине или женщине преклонного возраста; тув. *ирем* от *ире* ‘дед’, ‘старец’ – ‘старец мой’ – в тувинском является почтительным обращением к мужчине преклонного возраста.

Обращение *Ваше благородие!* в тувинском переведено как *Силерниң мындаагылар!*, где *Силерниң* является калькой с русского, а *мындаагылар* – аналогом, обозначающим почтительное обращение к человеку высокого статуса или ранга;

Для перевода сравнения или метафоры в тексте также подбирается аналог, характерный для языка и культуры, к которым принадлежит переводчик:

... В голубоватых глазах сузились крохотные, с булавочную головку, зрачки... → алт. *Көгөлтирим көзининг јинјидий кичинек көс балачактары кичинектей берди...* (с. 17) ‘Маленькие, как бусины, зрачки голубоватых глаз сузились’;

... Ищи таких, которые имели бы зуб на Советскую власть. → алт. *Совет јанга тижсин кыјырадып турган улустар бедире* (с. 20). ‘Ищи людей, скрипящих зубами на Советскую власть’;

... а она меня за хиршу (хирша – загривок)... → алт. ... *ол дезе мени тамагымнан*... (с. 46) ‘...а она меня за горло...’; тув. ... *а ол мени боосталай берген-дир*... (с. 60) ‘... а она меня хватает за горло...’;

Его за бутылку водки совсем с гуньями можно купить. → алт. *Ол бир шил аракы учун бастыра ёкпё-јүрегиле кожо садынар* (с. 27) ‘Он за одну бутылку водки со всеми легкими-сердцем вместе продается’;

Видим, поедает его собственность! *Јёёжёни тангынан мензинетен керектин сазына торт бадып браатканын көргёнис* (с. 28) ‘Мы увидели, что он прямо тонет в болоте собственности’.

И алтайский и тувинский переводчики стараются наиболее точно передать смысл оригинального текста средствами своего языка, удачно находят лексемы с дополнительными компонентами значения. Это делает текст более понятным для носителей языка:

По дороге в трибунал я бежал. → тув. *Трибуналче бар-чорааш, орукка дургуннапкан мен*... (с. 23) ‘В трибунал идя, по дороге я сбежал.’ Переводчик использовал подходящий по смыслу тувинский глагол *дургунна*= со значением ‘тайно, без разрешения убежать, бежать откуда-л., нарушая какой-л. порядок, дисциплину’;

А раз некуда, надо действовать, надо бороться. → тув. ... *А бир тээ бардынмас болганда, булганыр херек, демисежир херек* (с. 24) ‘Раз уж невозможно идти, надо найти способ, надо бороться’. Глагол

действовать переведен глаголом с идентичным по контексту значением *булган*= ‘находить возможный способ выживания’ (первичное значение *булган*= ‘рваться вперед изо всей силы, стараться освободиться’);

... вдруг *вспыхнули* в темени проулка *белым, разящим блеском*. → алт. ... *оромнын карануйында кенетийин жалтырап, жаркындай берди* (с. 4) ‘... в темноте улицы вдруг блеснув, *сверкнули*’. Вместо сочетания *вспыхнули белым, разящим блеском* употреблено два глагола – *жалтыра*= ‘блестеть’ (в деепричастной форме) и *жаркында*= ‘сверкать’ (в том числе о молнии);

Забрали все зерно *под гребло*. *Бастыра ла ажымды ончозын үзе алгылап бардылар* (с. 15). ‘*Все мое зерно, все забирали*.’ Хотя в этом предложении теряется образность и экспрессивность высказывания, которую придает сочетание *под гребло*, переводчик использовал прием компенсации лексическими и морфологическими средствами: *бастыра* ‘все’, *ла* – усилительная частица, *ончо* ‘все’, *үзе* ‘все, полностью’, аффикс *=гыла* в глаголе *ал*= ‘брать’, обозначающий многократность действия.

Таким образом, при наличии общих черт каждый переводной текст обнаруживает свои особенности. Для тувинского текста в целом характерно стремление к дословному переводу. В алтайском, как нам кажется, превалирует смысловой перевод. Переводчик в основном старался не допускать выражений, искусственно звучащих для алтайского языка, употребления слов в нехарактерных для алтайского языка значениях. В алтайском переводе обнаруживается больше русских слов, чем в тувинском, что объясняется гораздо более ранним вхождением алтайцев в состав России. Однако, несмотря на сложившуюся общественно-политическую терминологию монгольского происхождения в тувинском языке, переводчик во многих случаях отдавал предпочтение русским словам, привносящим иные представления и новые понятия. Особенностью тувинского перевода является также наличие ряда новых слов, которые были образованы собственными словообразовательными средствами и не сохранились в современном языке. Обращает на себя внимание то, что, несмотря на сложность языка оригинального романа, оба перевода отличаются стремлением к наиболее точной передаче смысла текста, а часто и оттенков значений лексем. В то же время перевод максимально адаптирован для алтайского и тувинского читателя. Он отражает глубокое знание своего языка переводчиками и умение передать средствами родного языка понятия другой культуры.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Истина и правда // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 543–642.

Гальчук Л. М. Семантическое освоение русизмов как критерий их заимствованности (на материале алтайского языка). Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.

Калзан А. К., Куулар Д. С. О художественных переводах с русского на тувинский язык. Ученые записки. Выпуск IV. Кызыл, 1956. С. 119, 118–141.

Озонава А. А., Байыр-оол А. В. Переводы русской литературы на алтайский и тувинский языки с конца XIX по настоящее время // Материалы Международной книжной выставки-ярмарки и научного конгресса «Книга: Сибирь – Евразия». 1–3 сентября, 2016. Новосибирск (в печати).

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976. 129 с.

Чемчиева А. П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. 254 с.

Черников М. В. Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции // Общественные науки и современность. № 2. 1999. С. 164–175.

Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25–36.

Шолохов М. Поднятая целина. М.: Просвещение, 1981. 695 с.

Шолохов М. Андарган кур чер. Поднятая целина. Перевод на тувинский язык О. Саган-оол. Кызыл, 1950. 412 с.

Шолохов М. Көдүрилген солук. Поднятая целина. Перевод на алтайский язык И. Эдоков. Горно-Алтайск, 1960. 303 с.

Список словарей

РАС, 1964 – *Русско-алтайский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1964.

РАС, 2015 – *Русско-алтайский словарь*. Т. 1. Горно-Алтайск, 2015.

ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: «А ТЕМП», 2004.

ТРС – Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968.

A. V. Bayyr-ool, E. V. Tyuntesheva

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
azikoa@mail.ru, tyunteshevae@mail.ru

**Lexical Means Used in Altai and Tuvan Translations
of M. A. Sholohov's *Virgin Soil Upturned***

The article provides an overview of lexical means used in Altai and Tuvan translations of M. A. Sholohov's *Virgin Soil Upturned* to translate words and word combinations expressing concepts and ideas typical for Russian and Soviet life of the corresponding historical period: loan words, Russian words not included in the Altai or Tuvan lexical corpora, calques, footnotes and explanations of Russian words, analogues selected by translators, words created on the basis of existing language resources, etc. Although Altai and Tuvan translations are similar in certain ways, they also possess a number of unique traits. Overall, the Tuvan text is more literal, whereas the Altai translation appears to be more meaning-oriented. In most cases the translator tries to avoid artificial expressions that sound unnatural in Altai, as well as non-typical usage of Altai words. At the same time, the Altai translation contains more Russian words than the Tuvan one, which can be explained by the fact that the Altai nation was the first between the two to join Russia. However, in spite of the presence of Mongolian socio-political terminology in the Tuvan language, the translator seems to prefer Russian words in many cases, introducing new concepts and new meanings. The Tuvan translation is also characterized by the presence of new words that were formed on the basis of existent language resources but are no longer used in modern language.

Keywords: translated literature, means of translation, the Altai language, the Tuvan language, loan words, calques.

References

Arutyunova, N.D. Istina i pravda [Verity and Truth]. In: Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Man's Language and World]. Moscow: Yazykirusskoykul'tury, 1998, pp. 543-642.

Gal'chuk L.M. *Semanticheskoe osvoenie rusizmov kak kriteriy ikh zaimstvovannosti (na materiale altayskogo yazyka)*. Diss. dokt. filol. nauk. [Semantic development Russianisms as a criterion of their debt (in the Altai language material). Dr. phil. sci. diss.]. Novosibirsk, 1997.

Kalzan, A.K., Kuular, D.S. O khudozhestvennykh perevodakh s russkogo na tuvinskiy yazyk [On Literary Translations from Russian to Tuvan]. In: *Uchenyye zapiski. Vypusk IV* [Scientific Notes. Vol. IV]. Kyzyl, 1956, pp.118-141.

Ozonova, A.A., Bayyr-ool, A.V. Perevody russkoy literatury na altayskiy i tuvinskiy yazyki s kontsa XIX po nastoyashchee vremya [Altai and Tuvan Translations of Russian Literature: From Late XIX Century to Modern Times]. *Materialy Mezhdunarodnoy knizhnoy vystavki-yarmarki i nauchnogo kongressa «Kniga: Sibir' – Evraziya»* [Materials of International Book Sale-Exhibition and Scientific Congress «Book: Siberia – Eurasia»].

Tatarintsev, B.I. *Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku* [Mongol Influence on Tuvan Lexis]. Kyzyl, 1976, 129 p.

Chemchieva, A.P. *Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai Sub-Nations: In Search for Identity]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2012, 254 p.

Chernikov, M.V. Kontsepty «pravda» i «istina» v russkoy kul'turnoy traditsii [Concepts TRUTH and VERITY in Russian Cultural Traditions]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1999, no. 2, pp. 164-175.

Shmelev, A. D. Leksicheskiy sostav russkogo yazyka kak otrazhenie «russkoy dushi» [Lexical Body of the Russian Language as Reflection of 'Russian Soul']. In: Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Concepts of the Russian Language World View]. Moscow: Yazykislavyanskoykul'tury, 2005, pp. 25-36.

Sholokhov, M. *Ködürilgensolok*. Podnyataya tselina [Virgin Soil Upturned]. Gorno-Altaysk, 1960, 303 p.

Sholokhov, M. *Andargan kur cher*. Podnyataya tselina [Virgin Soil Upturned]. Kyzyl, 1950, 412 p.

Sholokhov, M. *Podnyataya tselina* [Virgin Soil Upturned]. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 695 p.

Dictionaries

Ozhegov, S. I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: A TEMP, 2004.

Russko-altayskiy slovar' [Russian-Altai Dictionary]. Gorno-Altaysk, 2015.

Russko-altayskiy slovar' [Russian-Altai Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.